

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОГНОЗ

ПОРЯДОК

СТАБИЛЬНОСТЬ

БАЛАНС

# МАТЬ ПОРЯДКА

ДМИТРИЙ УСАЧЁВ

Дмитрий Усачёв

**Мать порядка**

«Автор»

2026

**Усачёв Д.**

Мать порядка / Д. Усачёв — «Автор», 2026

Философский роман-антиутопия Вам никогда не было так безопасно. Вы здоровы. Вы спокойны. Вы уже много лет не ошибались. Но сколько ваших вчерашних решений были вашими. Вы просто не заметили момент, когда перестали выбирать.

© Усачёв Д., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |   |
|-----------------------------------|---|
| Глава 1                           | 5 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 9 |

# Дмитрий Усачёв

## Мать порядка

### Глава 1

#### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МАТЬ ПОРЯДКА

##### Глава первая. Эпоха Шума

Потом, много лет спустя, когда об этом времени станут писать в школьных модулях, его назовут коротко и почти нежно — Эпоха Шума. Название времени придумают историки, которые сами в нём не жили, но оно приживётся, потому что было точным.

Шум действительно был везде.

Он стоял в воздухе городов, где вентиляционные шахты гудели круглосуточно, потому что открывать окна летом стало смертельно опасно, и в головах людей, приученных к тому, что каждое утро начинается с новой катастрофы, и потому переставших различать катастрофы между собой. Наводнение, унёсшее жизни одиннадцати тысяч человек, шло в сводке третьим номером — после биржевого индекса и скандала с фальсификацией вакцины. Через неделю о нём не помнил никто, кроме тех, кто там жил.

Боль перестала быть событием. Она стала фоном — как гул старого холодильника в пустой кухне, которого не замечаешь ровно до той секунды, пока он не смолкнет.

Ледники сошли на нет за одно поколение, экваториальный пояс выгорел, восемьдесят миллионов человек находились в постоянном перемещении, и их называли климатическими мигрантами, потому что это словосочетание позволяло не говорить «беженцы», а значит, не вспоминать, откуда и куда они бегут.

Государства ещё существовали: издавали законы, печатали деньги, проводили выборы. Но всякий, кто хоть раз видел изнутри, как принимаются решения, знал — настоящей власти нет ни у кого. Есть только реакция. Пожар тушим. Бунт гасим. Эпидемию останавливаем.

Потом, когда всё уже случалось, искали виноватых, и виноватые говорили одно и то же. Начальник смены говорил, что заявка ушла в срок. Снабженец — что топливо выбирал не он, а конкурс. Цена укладывалась в лимит, лимит спускали сверху, а наверху сидел живой немолодой человек и объяснял, что бюджет секвестировали ещё в марте и он тут ни при чём.

У каждого была своя правда, и каждая была настоящей.

«У меня не было выбора» — вот что эта эпоха говорила вслух, всеми своими миллиардами глоток, каждый день, по любому поводу. Опят объясняем.

Рут Эйсен родилась в тридцать восьмом году этого столетия, в промышленном поясе Северо-Восточного округа.

Она помнила его хорошо. Помнила серую взвесь в воздухе, оседавшую к вечеру на подоконниках тонким жирным слоем, — мать вытирала его каждый день и каждый день заново. Помнила, что снег был не белый, а сизый, и что в детстве она искренне считала, будто белый снег — выдумка книжек, вроде драконов. Помнила запах: смесь горячего металла, дизеля и чего-то сладковатого, приходящего со стороны химического комбината в те дни, когда ветер шёл с юга.

И помнила звук.

Это надо объяснить отдельно, потому что без этого в ней ничего не понять.

Их дом стоял в двухстах метрах от компрессорной станции. Компрессорная работала непрерывно — низкий, толстый гул на грани слышимости, проходивший не через уши, а через кости, через пол, через воду в стакане. К нему добавлялись вентиляция, трансформатор во



дворе, товарные составы каждые сорок минут, вечно включённая панель у соседей за стеной и голоса, голоса, голоса, потому что в квартирах жили плотно и стены были из чего попало.

Все привыкали. Рут не привыкла.

Шум для неё не сливался в фон, он всегда оставался набором отдельных источников, и каждый требовал внимания. Она засыпала, зажав уши ладонями, и просыпалась ночью от того, что руки упали.

В четыре года она нашла способ. Способ был такой: считать. Если считать — гул перестаёт быть гулом и становится числом. Составы: одиннадцать в дневную смену, семь в ночную. Вторым двором до магазина на девять шагов дальше, зато мимо трансформатора, а трансформатор она любила — он гудел ровно, на одной ноте, и перекрывал остальные.

Посчитанное переставало шуметь.

Отца звали Март Эйсен. Он работал старшим инженером контура безопасности на атомной станции «Ардея-7» — одной из четырёх тысяч станций, которыми тогдашний мир затыкал собственную ненасытность.

У него были тяжёлые руки с намертво въевшейся в складки кожи машинной смазкой; сколько он их ни мыл, серые полосы оставались, и маленькая Рут думала, что это такой рисунок, который бывает у взрослых мужчин. Он приходил с суток, садился на табурет в прихожей и долго, молча снимал ботинки, а потом клал эту тяжёлую руку ей на голову, и от руки пахло железом.

Он был неразговорчив и точен.

Однажды — ей было пять — он взял её с собой в мастерскую при станции, в выходной, когда там никого не было.

Первое, что её ударило, была тишина: метровые стены, выключенное всё, ни компрессорной, ни составов, ни соседей. Только где-то за стеной капало — редко, и от каждой капли шло короткое эхо.

Рут стояла посреди мастерской и слушала.

Пахло металлом, машинным маслом. Верстак был длиной шагов в пять, из тёмного дерева, весь в круглых выжженных пятнах. На стене висели ключи — сорок или пятьдесят, от крошечных до полуметровых, и все на своих местах, каждый на своём гвозде, обведённом краской по контуру.

Отец разложил на верстаке разобранный клапан и стал показывать, как он работает.

— Смотри. Вот эта штука, она просто пропускает или не пропускает. Она даже не знает, что там за ней.

— А кто знает?

— Человек, — сказал отец. — В том-то и дело. Каждая железка знает только своё. Поэтому нужен человек.

— Зачем?

Он подумал.

— Чтобы он знал и решал, — сказал он наконец. — Железка отвечает за себя. Человек — за результат.

У отца были горячие руки. Она помнила это лучше, чем лицо: тепло ладоней и запах железа.

Рут запомнила его слова так, как запоминают дети: намертво и не тем боком. Из всего сказанного ей врезалось «чтобы знал и решал». Про «отвечает» она услышала только через шестьдесят восемь лет, в белой комнате, где пахло озоном, — и то не сама.

Ей было шесть, когда на «Арде-7» пошёл вразнос третий блок.

Причина, как потом установила комиссия, была смехотворной. Датчик давления в контуре охлаждения давал завышенные показания в течение четырёх месяцев. Об этом знали. Была подана заявка. Заявка стояла в очереди на плановое обслуживание, потому что отклю-

нение считалось несущественным — в пределах допуска. В ночь, когда совпало три вещи — гроза, отключение внешнего питания и работа резервного генератора на топливе, которое закупили дешевле по тендеру, — «несущественное отклонение» стало решающим.

Автоматика отказала. У неё было три секунды, и она их проиграла.

Дальше начинается то, что Рут будет пересчитывать всю жизнь.

Аварийные клапаны третьего блока стояли не в щитовой. Они стояли в насосном зале, за гермодверью, и закрывались вручную — сорок один маховик, по семь оборотов каждый.

Гермодверь при падении давления в контуре запиралась автоматически. Не по чьей-то злой воле, а по единственно разумной логике: чтобы то, что вырвется в зал, не пошло дальше по коридорам. Дверь пускала внутрь и не выпускала обратно — до конца цикла. Конец цикла наступал через сорок минут.

Человек в насосном зале имел сорок минут на работу, рассчитанную на пятнадцать, и не имел выхода.

Это знали все, кто там работал. Это знал и Март Эйсен, который двадцать лет ходил мимо этой двери на смену и обратно.

По инструкции при отказе контура персонал обязан был покинуть блок. Инструкция была написана правильно: сделать всё равно ничего нельзя, а погибнуть можно.

В щитовой в ту ночь находились четверо. Трое вышли — и были правы, и никого из них потом ни в чём не обвинили, и ни один не смог до конца жизни объяснить своим детям, почему они вышли, хотя объяснять было нечего.

Март Эйсен снял с крюка фонарь и открыл гермодверь.

Дальше нет никаких свидетельств, кроме показаний расходомеров, и по ним восстанавливается только одно: он шёл по залу слева направо и закрывал клапаны по порядку. Первый — в 23:41. Пятнадцатый — через шесть минут. Двадцать второй — ещё через четыре, и здесь темп сбивается, потому что к этому времени в зале уже было под сто градусов.

Он закрыл двадцать шесть клапанов из сорока одного.

Этого хватило. Активная зона села на сорок процентов и не взяла остальное. Город на восемьсот тысяч человек не стал мёртвой зоной; мёртвой зоной стал только периметр станции.

Последний расходомер отметил движение в 23:59.

Тело отца не нашли. Хоронить было нечего. Был митинг у заводоуправления, где чиновник в хорошем пальто говорил про мужество, и была урна с горстью земли, взятой у границы оцепления, потому что мать настояла: должно быть место, куда ходить. В акте написали: «предположительно, испарение вследствие термического воздействия». Рут прочитала эту строчку впервые в четырнадцать лет, когда мать наконец отдала ей папку, и запомнила навсегда — не смысл, а именно интонацию. Так пишут о протечке в трубе.

Рут стояла у этой урны, шести лет от роду, в колючих чёрных колготках, и думала об одном: если бы кто-нибудь починил датчик, папа сейчас сидел бы в прихожей и снимал ботинки.

Это была первая мысль в её жизни, которую можно назвать научной.

А вторую она додумает через двадцать четыре года и никому не скажет.

Это случится уже во времена «Тессеры», когда модель научится восстанавливать прошлое так же уверенно, как предсказывать будущее. Рут поднимет архивы «Ардеи-7» — все, до последнего журнала смен, до накладных на топливо, — загрузит и попросит рассчитать ту ночь.

Модель отработает за девять секунд. Она даст аварию с вероятностью девяносто девять и три. Она укажет датчик. Она укажет топливо. Она восстановит грозу.

А в блоке поведения персонала выдаст: вероятность выхода из щитовой в соответствии с регламентом — девяносто шесть процентов.

То есть по всем данным, какие существуют о Марте Эйсене — по возрасту, стажу, психологическому профилю, семейному положению, наличию шестилетней дочери, — он должен

был выйти. Как вышли трое. Девяносто шесть человек из ста на его месте вышли бы, и все девяносто шесть были бы правы.

Он остался.

Рут будет сидеть перед экраном очень долго. Потом сотрёт задачу и не расскажет об этом никому.

Потому что модель не ошиблась. Модель посчитала верно: таких, как он, четверо на сотню. Восемьсот тысяч человек живут сегодня потому, что в ту ночь на смене оказался один из этих четверых, — а могло оказаться, что не оказался.

И всю жизнь Рут Эйсен будет строить мир, в котором такая ночь невозможна: где датчик чинят вовремя, где топливо не экономят, где ни одному человеку не придётся идти в насосный зал с фонарём.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.